

Женитьба Алеши Поповича на Настасье Микуличне

Послал однажды Владимир-князь могучего богатыря Добрынюшку исправлять службы княжеские: порасчистить дорожку прямоезжую в Золотую Орду, покорить чудь [

.] белоглазую, пособрать дани с калмыков да с татар.

Стал Добрыня собираться в дальнюю поездку; горько плачет мать его, Мамелфа Тимофеевна, все спрашивает милого сына, когда его домой ждать.

-- Государыня-матушка! -- отвечает Добрыня, -- жив буду -- вернусь; не буду жив -- и ждать вам будет некого.

-- Скажи мне, Добрынюшка, когда вернешься домой из чиста поля?

-- Милая жена, слушай, что я скажу тебе: жди ты меня три года, жди еще три года; если же я и через шесть лет не приеду, знай, что нет меня на свете; тогда живи себе как хочешь: хочешь, оставайся вдовою; хочешь, иди замуж за кого надумаешь: хоть за купца богатого, хоть за именитого боярина или за крестьянина домовитого; не ходи только замуж за моего брата названного, Алешу Поповича; за ним плохо тебе жить будет, наживешь себе великого горя.

Поклонилась Добрынюшке Настасья Микулична земным поклоном, простился богатырь и с родной матушкой, поехал в чужедальнюю сторонушку.

Стала Настасья Микулична ждать домой мужа своего, Добрынюшку; ждет не дождется -- а время идет да идет:

Прошло и три года, прошло и шесть лет: нет как нет Добрынюшки. Вернулся к этому времени из поля Алеша Попович; привез с собою нерадостные вести, говорит, будто Добрыни уже нет в живых:

-- Видел я его в чистом поле убитым; богатырская грудь насквозь прострелена; сквозь его труп проросли цветы алые.

Горько плачет мать богатыря, Мамелфа Тимофеевна; горячие слезы глаза ей выели; а Настасья Микулична говорит:

-- Велел мне Добрыня ждать его шесть лет; буду ждать еще шесть лет теперь уже по своей охоте.

Но прошло и еще шесть лет; нет от Добрыни никакой весточки; стал Владимир уговаривать молодую вдову Добрынину:

-- Нет твоего мужа в живых; неужели будешь весь век жить вдовою? Выходи замуж хоть за князя-боярина, хоть за купца богатого, а лучше всего тебе выйти за смелого богатыря, Алешу Поповича.

Позабыла Настасья Микулична мужнину заповедь -- пошла замуж за Алешу.

Устроил князь Солнышко перед свадьбой веселый пир в честь жениха и невесты; пируют они день, другой -- а Добрыня в это время был в Царь-граде; все свои подвиги богатырские он совершил счастливо, отправил со славой княжескую службу, уже думает домой возвращаться.

Медленно плетется его добрый конь по дороге в Киев, не ест пшеницы белояровой, не пьет воды студеной.

Спрашивает Добрыня верного коня:

-- Что ты не весел, добрый мой конь, идешь, спотыкаешься -- не чуешь ли ты над собой какой невзгодушки?

Отвечает конь:

-- Не знаешь ты, славный богатырь, не ведаешь, какая печаль тебя дожидает в Киеве: сегодня вечером молодая жена твоя с Алешей венчается.

Разгорелось тут у Добрыни сердце богатырское; бьет он верного коня по бедрам, летит конь словно сокол, перескакивает одним прыжком высокую стену киевскую, въезжает прямо во двор Добрыни. Идет добрый молодец в горницы, расталкивает привратников, придверников, ни у кого дороги не спрашивает.

Бегут слуги к Мамелфе Тимофеевне, жалуются на богатыря.

Говорит ему Мамелфа Тимофеевна:

-- Неладно ты поступаешь, добрый молодец, слуг моих бьешь, в дом ко мне силой врываешься; кабы был жив милый сын мой Добрынюшка, не сносить бы тебе головы, уходи-ка отсюда подобру-поздорову.

-- Напрасно, честная вдова Мамелфа Тимофеевна, плачешь ты о смерти сына, -- промолвил Добрыня, -- сын твой жив и здоров; я его третьего дня сам видел; поехал он к Царь-граду, а мне наказал, как буду в Киеве, чтобы поклон тебе свез, узнал, как поживает его молодая жена, Настасья Микулична.

Заплакала Мамелфа Тимофеевна:

-- Шесть лет тому назад привез мне Алеша Попович весточку о том, что сын мой, Добрыня, лежит в чистом поле убитым, а сегодня Настасья Микулична идет за Алешу замуж.

-- Матушка, родимая! посмотри на меня, ведь я и есть твой сын.

Не узнает его матушка родимая.

-- Смеешься ты над старухой, добрый молодец! Не похож ты вовсе на моего милого сына: у Добрынюшки лицо было белое, очи ясные, как у сокола, платье цветное, лапотки из семи шелков; а ты пришел весь в лохмотьях, загорелый да худой!

-- За двенадцать лет, милая матушка, платье мое цветное износилось, лицо загорело, очи помутнели.

-- У моего сына, -- говорит Мамелфа Тимофеевна, -- на ноге была черная

родинка.

Снял Добрыня сапог, увидела мать знакомую меточку, плачет от радости, обнимает милого сына.

-- Матушка, -- просит Добрыня, -- давай скорее мои гусли звонкие, неси платье скоморошье, снаряжай меня на пир к князю Владимиру.

Идет Добрыня в гридню княжескую, расталкивает придверников, привратников, ни у кого не спрашивается; не узнают его слуги, бегут жаловаться на него князю.

А Добрыня кланяется князю в пояс, спрашивает его смело:

-- Укажи мне, князь Солнышко, где мое место скоморошье?

Разгневался Владимир:

-- Ах ты, неуч, одно только и есть тебе место: за печкой муравленой.

Сел Добрыня за печку, взял свои звонкие гусли, стал напевать песни родимые, напевы к ним прибирать царь-градские.

Говорят гости князя между собою:

-- Это, видно, не простой скоморох, а славный русский богатырь.

-- Удалый добрый молодец! -- промолвил тут князь Владимир, -- выходи из-за печи, садись за дубовый стол, хлеба-соли нашей откусать, белой лебеди отведать; выбирай себе любое место: или рядом со мной, или напротив, или садись, куда сам захочешь.

Не сел скоморох рядом с князем, сел против обрученной невесты Алеши.

-- Солнышко-князь! Позволь мне налить чару зелена вина, поднести ее, кому сам захочу.

Налил Добрынюшка чару зелена вина, опустил в нее свой золотой перстень, подносит чару молодой невесте.

-- Молодая Настасья Микулична, принимай эту чару одной рукой, выпивай одним духом: выпьешь чашу до дна -- увидишь что-то доброе, не выпьешь чаши до дна -- не бывать добра.

Как выпила Настасья Микулична чашу до дна -- увидела на дне золотой мужнин перстень, обрадовалась, вскочила из-за стола, говорит князю:

-- Солнышко-князь! не тот мой муж, что со мной рядом сидит, а тот, что сел напротив на скамеечке, чару зелена вина дал мне выпить.

И упала Настасья Микулична Добрыне в ноги.

-- Прости меня, мой любимый муж, что ослушалась я твоего приказа, пошла замуж за Алешу Поповича.

-- Не своей ты волею замуж шла, -- говорит Добрыня, -- а удивляюсь я на князя Владимира да на княгиню Евпраксию, что они от живого мужа жену за другого сватают. Еще больше удивляюсь я на Алешу Поповича; знал он, что жив я, здоров -- а сам на моей жене захотел жениться.

Нахмурился Добрыня:

-- Простил бы я еще тебе эту вину, да не могу тебе простить, что привез ты лживую весть о моей смерти; огорчил мою родимую матушку, заставил ее надирать свое сердце слезами горячими!

Ухватил тут Добрыня Алешу за желтые кудри, хочет бросить Алешу о кирпичный пол, убить до смерти, да подоспел вовремя старый казак Илья Муромец, положил Добрыне руку на плечо и говорит:

-- Удержи, Добрынюшка, свое сердце горячее, не наказывай лютой смертью своего крестового брата.

Оставил Добрыня Алешу, ушел с княжеского пира, вернулся в свой светлый терем, ведет за руку жену молодую; словно солнышко в небе воссияло, словно месяц тихий засветился, как вернулся к себе в дом славный богатырь Добрыня Никитич. Стал он жить-поживать вместе с родимой матушкой да молодой женой: зажили они без горя, без заботушки, лучше прежнего. А Алеша со стыда уехал из Киева в чужую дальнюю сторону.